

вых худож.-исторических описаний трагедии Соловков 1920-х. Автор обозначил время и место работы над книгой: Соловки, 1925 — Капри, 1950. Она была издана в 1954 в Нью-Йорке, а к российскому читателю пришла в 1991. Творческий замысел в «Неугасимой лампаде» на протяжении четверти века претерпел существенное изменение. Во время работы на Соловках и в Средней Азии мысль автора была сосредоточена на безмерных мучениях человека-узника, на проблеме зла («Я писал тогда о слезах и крови, страдании и смерти. Только о них»). Позднее, уже после Второй мировой войны, всматриваясь в ушедшее, писатель открывал для себя в прошлом новые глубины духовной жизни: «Давняя несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из рассеянной пелены кровавого и смрадного тумана, ибо дух свободен и вечен».

«Неугасимая лампада» состоит из серии рассказов о наиболее ярких событиях и встречах автора на соловецкой каторге. Страшна окружающая действительность, но Ш. показывает людей — реальных лиц из разных сословий (например, «фрейлину трех императриц» и др.), противостоящих тотальному насилию, сохраняющих веру и совершающих подвиг служения страдающим ближним. В книге нераздельно сливается реальное и легендарное. Ш. использует соловецкие легенды, которые, по его мнению, «несут свою правду, не фактическую, а внутреннюю, как в апокрифе; а услышанные Ш. устные рассказы открывают красоту и богатство родного языка. Легенда об «Уренском царстве», написанная в форме сказа, которым блестяще владел автор, повествует о судьбе просто-го костромского крестьянина, в годы революционного лихолетья избранного местными жителями царем и до конца пронесшего мученический венец этого избрания. Завершает книгу описание трагедии 1945 в Лиенце (Австрия), где союзники выдали органам СМЕРШа русских казаков и членов др. воинских антикоммунистических формирований. Повествование Ш. посвящено художнику М. В. Нестерову, сказавшему автору перед его отправкой на Соловки: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко». Религиозная идея отразилась в концепции книги, в названиях отдельных частей. «С образом Неугасимой лампы связан у автора образ Китежской Руси, то есть Руси потаенной, ушедшей в глубину, но которой суждено воскреснуть и воспрянуть. А пока она проявляется во всем, где есть крест и страдание» (Русский Г.— С. 416).

Ш. также написаны повести «**Последний барин**» (1954), «**Ванька-Вьюга**» (1955) (о дореволюционной России), «**Овечья лужа**» (1952) и во многом автобиографический роман «**Кудеяров дуб**» (1958), в котором поднимается большая проблема судьбы русского патриота, ради пользы своего народа готового сотрудничать с немцами. Исследование Ш. «**Религиозные мотивы в русской поэзии**» издано уже после смерти автора, в 1960; глава «**Возрождение духа. С. Есенин**» опубликована в книге: Русское зарубежье о Есенине. М., 1993. Т. 2. С. 142–149.

Соч.: Ди-Пи в Италии. Буэнос-Айрес, 1952; Я человек русский! Буэнос-Айрес, 1953; Светильники Русской Земли. Буэнос-Айрес, 1953; Современная российская интеллигенция: статья. Мюнхен, 1955; Кудеяров дуб. Франкфурт-на-Майне, 1958; Религиозные мотивы в русской поэзии. Брюссель, 1960; Неугасимая лампада. М., 1991, 1998, 2000.

Лит.: Савельев П. (Казанцев Ю.). Писатель-монархист // Наша страна. Буэнос-Айрес. 1989. 4 нояб.; Русский Г. Правда и легенда соловецкая // Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991; Беляев С. А. [Предисл.] // Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991; Путь к спасению. Беседа с русским писателем Олегом Волковым. Наш современник. 1991. № 4; Лапков Е. Встречи с Борисом Ширяевым // Наша страна. 1994. 21 мая; Лапков Е. Читая Ширяева // Наша страна. 1994. 12 нояб.; Филатова А. И. Б. Н. Ширяев и его «Неугасимая лампада» // Гумилевские чтения: Материалы лит. конференции филологов-славистов. Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. СПб., 1996; Дунаев М. М. Православие и русская литература. М., 2000. Т. VI. С. 515–520.

П. Г. Паламарчук, А. И. Филатова

ШИРЯЕВЦ (настоящая фамилия Абрамов) Александр Васильевич [2(14).4.1887, с. Ширяево-Буерак Сызранского у. Симбирской губ.— 15.5.1924, Москва] — поэт.

Родители — выходцы из крепостных, приписывались к мещанскому сословию. В связи со сменной рода занятий отца (служащий на известковом заводе, лесной объездчик, предприниматель) и его смертью (1900) детство будущего поэта проходит в разных местах Поволжского края: с. Бинарадка Самарской губ. (здесь он поступает в земскую школу), снова Ширяево (здесь в 1898 оканчивает церковноприходскую школу), Самара (переводится на 2-м классе городское училище и становится чернорабочим), Ставрополь-Самарский (чуть больше года работает писцом в канцелярии казенного лесничества),

снова Самара (безуспешные попытки устроиться на работу в табачный магазин и на железную дорогу).

В 1905 Ш. вместе с матерью уезжает по вызову родственницы в Ташкент, становится чиновником почтово-телеграфной службы.

Здесь начинаются и его серьезные занятия поэзией, пробужденные еще детским чтением книг на Волге: «Читал книги, заносимые в село торговцами-лубочниками... Первым прочитанным поэтом был Кольцов, потом Лермонтов... Писать стихи начал еще в Бинарадке, когда мне было лет 9–10» (**Автобиография**, 1913). Рождение в самой живописной части Волги, среди легендарных Жигулевских гор (место набегов и гульбы Стеньки Разина со своей вольницей) явилось важнейшим стимулом поэзии Ш.: «В междугорье залегло — / В Жигулях мое село. / Рядом — Волга... / Плещет, льнет, / Про бывалое поет...» (**«Ширяев»**, 1916). Не случайно и свой псевдоним поэт образовывает от названия родного села.

Дебютировал Ш. в 1908 фельетоном в стихах и прозе **«Наградная»** (газ. «Туркестанский курьер»). В 1911 становится одним из авторов (вместе с Л. Порошиным и П. Поршаковым) изданной в Ташкенте конгломератной книги **«Стихи»**, где ему принадлежит раздел **«Ранние сумерки»**. Здесь подает о себе голос основная тема поэзии Ш. — «песни» народной Руси (**«Пал туман...»**, **«Деревенская»**, **«Непутевая»**, **«Волжская»**).

Ш. ищет выхода в большую лит-ру и посылает свои стихи в петербургский еженедельник **«Народный ж.»**, где с конца 1912 начинает печататься. Тогда же отправляет письмо со своими стихами на суд Н. Клюеву, от которого получает помеченный 11 марта 1913 ответ: «Мне очень радостны все Ваши слова и выводы, и я всегда буду любить Вас, как любил заочно по песням в народном журнале. Вы очень мне близки по духу и по устремлению к песне» (Клюев Н. Сочинения. Мюнхен, 1969. Т. 1. С. 186). Подобным же образом посылаются стихи И. Бунину и С. Городецкому, также ответившим молодому поэту полным признанием его таланта. Вскоре в своем обзоре текущей поэзии **«Девять книг»** Городецкий уже писал о Ш.: «Судя по его вещам мы в его лице имеем новую поэтическую силу, идущую прямо с земли, как Клюев и Клычков... Его песни не могут не петься. В них мы опять имеем то драгоценное совпадение форм искусства, лично народного и нашего литературного, которое так поразило всех в Клюеве... Талант волжского певца силен и несомненен» (Речь. 1914. 10 марта).

Жизнь Ш. проходит между тем в чуждой его романтической душе казенной обстанов-

А. В. Ширяевец

ке. Тоску одиночества скрашивает переписка с Клюевым, ставшим для него непререкаемым авторитетом, и с другом-поэтом П. Поршаковым. Стремление к расширению круга лит. единомышленников приводит Ш. к знакомству (заочному) с проживающим тогда еще в Москве С. Есениным, которому — как секретарю ж. Суриковского лит.-музыкального кружка **«Друг народа»** — попадают присланные Ш. стихи. 21 янв. 1915 Есенин отвечает Ш. чрезвычайно доброжелательным письмом, положившим начало их переписке и затем дружбе: «Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения <...> Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны» (Есенин С. ПСС: в 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 61–62). Вскоре Есенин становится для Ш. «своеобразным поэтическим идолом — неким эстетическим эталоном той национальной словесной стихии, которая жила и в душе самого Ширяевца» (Тартаковский П. — С. 22).

Тем временем в Ташкенте Ш. печатается в сб. **«Под небом Туркестана»** (1914), а затем уже выпускает полностью авторские книги стихов **«Богатырь»** (1915), **«Запевка»** (1916), **«О музыке и любви»** и **«Алые маки»** (обе — 1917). Основная тема поэзии Ш. — народные вольнолюбивые настроения, образ Руси с ее душевной широтой и удалью. Стих подчеркнута ритмизирован и носит плясовой характер (**«Черемуха»**, **«На чужбине»**, **«Масленица»**, 1914; **«Гусляр»**, **«Бурлак»**, 1915; **«Девичья»**, **«Святки»**,

1916). Обилие эмоциональных рефренов пронизывает песенную лирику. Ш. пишет о сильных характером героях из народа: отчаянных девушках, бурлаках, поророжцах, Стеньке Разине с его гольфьбой. Под стать им и пейзаж, такой же неумный, буйный, влекущий вдаль, к другой жизни: высокие кручи, волжские дали, волны, темные ночи и грозы.

В жизни совр. деревни Ш. привлекает главным образом только то, в чем выплескивается наружу все талантливое и размашистое. О своем взгляде на крестьянский мир он писал В. Ходасевичу (7 янв. 1917): «Скажу кое-что в свою защиту. Отлично знаю, что такого народа, о котором поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет... И что прекраснее: прежний Чурила, в шелковых лапотках, с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила, в американских штиблетах, с Карлом Марксом или „Летописью“ в руках, захлебывающийся от открываемых там истин?.. Ей-Богу, прежний мне милее!.. Знаю, что там, где были русалочки омуты, скоро поставят купальни для лиц обоего пола, со всеми удобствами, но мне все же милее омуты, а не купальни... Ведь не так-то легко расстаться с тем, чем жили мы несколько веков!» (Ходасевич В. Есенин // Русское зарубежье о Есенине. М., 1993. Т. 1. С. 67).

В стихах Ш. образ старины («стари») предстает то затухающим — «Тускнеет твой венец алмазный» («**Волге**», 1921), то вполне исполненным надежды на неугасимость света прошлых веков: «Эх, Бинарадка старая — прощай! / Смотри, не угашай костров былого!..» («**Старая Бинарадка (1894–1897)**», 1922); «Никогда старина не загаснет. / Слишком русское сердце мое!» (цикл «**Складень**», 1922).

Своим заочным знакомством с Клюевым, Есениным, а затем и Клычковым Ш. решительно утверждает на путях новой, идущей от самых народных глубин поэзии и прочно вписывается в круг «крестьянской купницы». Даже в его внешности, подобно всем им, проступала прежде всего крестьянская (а отнюдь не чиновничья) сущность; современнику он запомнился по-мужичьи «скупорочивым, вдумчивым, широкоплечим увальнем, парнем в картузе и огромных яловых сапогах» (Фомин С. Ширявец и Есенин // Красная нива. 1926. № 22). Вместе с др. новокрестьянскими поэтами он печатается в одних и тех же изд. («Ежемесячный ж.», «Голос жизни», «Современник» и др.), входит заочно в лит. группу «Краса» и лит.-худож. общество «Страда».

С «крестьянским уклоном» принимает Ш. и революцию 1917 (в письме к Поршакову от

31 марта 1917): «Чудеса! Много криков, лозунгов и прочего, кое от чего начинает тошнить, но я жду, что скажет не фабричная, считающаяся только с Карлом Марксом Русь, а Русь деревенская, земледельческая, и заранее отдаю ей мои симпатии, ибо только в ней живая сила» (Автобиографии. Письма. Стихотворения. С. 433). Не принимает он и наметившуюся вскоре после октябрьского переворота установку на лит-ру как на средство выполнения политического заказа.

И после революции Ш. по-прежнему остается певцом Волги. Родившись и проведя детство на ней, он в дальнейшем был всю жизнь отделен от нее безводным Туркестаном. Хотя Ш. и посвятил Туркестану книгу стихов «**Край солнца и чимбета**» (1919) и поэтический цикл «**Бирюзовая чайхана**» (1924), Волга навсегда становится для него недостижимым краем мечты и счастья.

В мае 1921 к Ш. в Ташкент ненадолго приезжает Есенин, а в следующем году он сам, оставив Туркестан, переезжает в Москву, где поселяется в Доме писателей на Тверской улице. Сразу же вступает в лит. объединение пролеткультовских поэтов «Кузница», из которого через год исключается за недостаточную «пролетарность» его творчества. Не предпринимая дальнейших попыток связать себя с какой-либо лит. группой, Ш. избирает путь упорного и сосредоточенного поэтического труда в суровом одиночестве, подальше от шумихи и витийства лит. «российского вавилоня», осуждая, в частности, Есенина за имажинизм. Печатается в ж. «Красная новь», «Красная нива», в альм. «Недра», в газ. «Московский понедельник» и др. Выходят книга детских стихов «**Узоры**» (1923) и последняя итоговая книга «**Раздолье**» (1924). В поэзии Ш. московского периода замечен отход от песенной лирики к эпосу, что дает о себе знать в поэмах «**Мужикослов**» (1921, издана отд. книжкой в 1923) и «**Палач. Песенный сказ**» (1924); а в циклах «**Поминальник**» (1922) и «**Складень**» (1924) Ш. попытался запечатлеть мир прошлого, народную судьбу. Отдает он и некоторую дань т. н. «нови» (стихи о красноармейце, поэма о работнице и проч.).

Умирает Ш. от неожиданно случившегося воспаления мозга. Глубоко потрясенный его смертью, Есенин посвятил ему одно из своих лучших стих. позднего периода «Мы теперь уходим понемногу...» (1924).

Соч.: Волжские песни. М., 1928; Избранное. Куйбышев, 1961; Песня о Волге: стихи. Куйбышев, 1980; Автобиографии. Письма. Стихотворения // Cahiers du Monde russe et soviétique. XXVI (3–4). Juil.-dec. 1985. P. 425–444;

«Русь в моем сердце поет!..» // Наше наследие. 1988. № 9; Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 1992 (в касете «Потаенный сад. Новокрестьянские поэты»); Из переписки 1912–1917 гг. // De Visu. 1993. № 3.

Лит.: Благой Д. Материалы к характеристике Сергея Есенина (из архива поэта Шириявца) // Красная новь. 1926. Кн. 2; Львов-Рогачевский В. Александр Шириявец (А. В. Абрамов): критико-биографический очерк // Шириявец А. Волжские песни. М., 1928; Земсков В., Хомчук Н. Есенин и Шириявец // Русская лит-ра. 1962. № 3; Сиволапов В. Из поэтического наследия А. Шириявца // Вопр. русской лит-ры. Львов. 1971. Вып. 1 (16); Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент, 1981; Киселева Л. К творческой биографии А. Шириявца // Вопр. русской лит-ры. Львов. 1984. Вып. 2 (44); Михайлов А. [Вступ. статья] // Шириявец А. Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 1992; Голендер Б. Сидело солнце в бюрозовой чайхане // Звезда Востока. Ташкент, 1996. № 1. С. 178; Баранов В. Матери и Волге мой последний взгляд: 110 лет со дня рождения поэта А. Шириявца // Русское эхо. Самара. 1997. № 4. С. 215; Орлицкий Ю. А. Блок и А. Шириявец // Шахматовский вестник. Солнечногорск. 1997. Вып. 7. С. 173; Савченко Т. Есенин и Шириявец // Столетие Сергея Есенина. М., 1997. С. 293; Молюк А. «Машет солнце платочком пуховым...» // Имена и судьбы. Самара, 2001. С. 149.

А. И. Михайлов

ШИШКОВ Вячеслав Яковлевич [21.9(3.10). 1873, г. Бежецк Тверской губ.— 6.3.1945, Москва] — прозаик.

Отец был владельцем небольшой лавки, но скоро разорился. В 1887 Ш. окончил 6-классное училище в Бежецке и поступил в Вышневолоцкое техническое училище, которое окончил в 1892. Обязательную 2-годичную практику он провел в Новгородской и Вологодской губ., участвуя в инженерно-изыскательских работах. В это время он совершил 2-недельное путешествие по Пинеге с о. Иоанном Кронштадтским, оставившее яркий след в его душе. В 1894 по собственному желанию Ш. едет в Томск, где находилось управление округа железных дорог, работает сначала рядовым техником, после экзамена на право проведения самостоятельных изыскательских работ Ш. возглавляет экспедиции по сибирским рекам Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Енисею, Нижней Тунгуске, Ангаре. В автобиографии Ш. писал: «Благодаря моей специальности мне довелось жить долгое время с простым людом, нередко в одной палатке и питаться из одного котла. Я вплотную изучал жизнь народа, а для писателя — это клад. Народная душа, жизнь народа, сочный и образный язык, быт и бытие, чего же

больше!» Весной 1911 во время изыскательских работ на Нижней Тунгуске Ш. записывает 80 песен и 3 отрывка из былин. Он услышал, по его словам, «поразительной красоты и силы мелодии» в песнях «Угрюм-река», «Гуленька-голубчик», «Горы Змеевские» и др. (публикация в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества». 1914. Т. 43).

Сам Ш. начало своей лит. деятельности относит к началу 1910-х. Он читает известному сибирскому ученому Г. Н. Потанину рассказ «**Ванька Хлюсто**». Потанину советует связаться со столицами и дает письмо к В. Г. Короленко. В 1913 в ж. «Заветы» публикуются рассказы Ш. «**Помолились**», «**Суд скорый**», «**Края**». В 1915 Ш. переезжает в Петроград, знакомится с М. Горьким, А. Ремизовым, М. Пришвиным.

Раннее творчество Ш. вписывается в прозу начала XX в. с ее интересом к судьбам народной России, предвидением ее грядущего обновления. Самое крупное произведение раннего Ш.— роман «**Тайга**» был одобрен Горьким и опубликован в 1916 в «Летописи».

Для поэтики Ш. характерно сочетание реалистического изображения быта с тяготением к фольклорной образности и средствам романтической эстетики (напряженный драматизм судеб героев, их повышенное эмоциональное состояние, символика). Символичен образ тайги, сцены гибели Кедровки в огне таежного пожара, имеющего очистительный смысл: «Русь!

В. Я. Шишков